

ГРИГОРИЙ ЯВЛИНСКИЙ

ПОТЕРЯ БУДУЩЕГО

Время тревог и перемен

| 2017 |

*«...Вдоль дороги всё не так,
А в конце – подавно.
И ни церковь, и ни кабак –
Ничего не свято!
Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята... «
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ*

В последнее время произошло много событий, серьёзно изменивших самоощущение миллионов людей по всему миру, в первую очередь в экономически наиболее развитой его части, до сих пор объективно выступавшей в роли лидера мирового развития и во многом определявших облик миропорядка.

Это, в частности, неожиданный для многих **подъем антиглобалистских и традиционалистских настроений** в развитых странах, в значительной степени определивший исход референдума о выходе из ЕС в Великобритании и президентских выборов в США. Этот подъем оказался сопряженным с общим изменением восприятия в мире процессов глобализации от больших надежд и оптимизма к преобладанию в этом восприятии тревог, опасений и разного рода страхов.

Это также **объективные изменения характера глобализации**, которая действительно приобрела более хаотичный, менее управляемый, а во многих случаях – и откровенно дезорганизирующий характер, когда стихийно возникающие потоки людей, капиталов и технологий не позволяют национальным правительствам держать под своим контролем ситуацию с занятостью, доходами, с господствующими ожиданиями и настроениями на очень широких социальных пространствах.

Это никем не предсказывавшийся рост популярности на европейском политическом пространстве **партий и движений, апеллирующих к чувству тревоги и страха перед будущим**, к инстинктивному стремлению больших сегментов населения оградить себя от надвигающихся на них социальных и технологических перемен; найти простые ответы на связанные с ними проблемы через обращение в прошлое, к испытанным инструментам национально-государственного регулирования.

Это **ощущение непрочности существующего миропорядка**, растущая вероятность его краха с неизвестными и непредсказуемыми последствиями, грозящими региональными или даже глобальными катаклизмами. Это растущий страх перед неисчезающими международными конфликтами и войнами – террористическими, межгосударственными или гибридными, локальными и региональными, способными войти в фазу перманентной эскалации, вплоть до глобального ядерного противостояния.

Наконец, это разрушение привычного информационного порядка, связанное с переизбытком каналов коммуникаций, трактовок и версий реальности, сломом привычной иерархии социальных и медийных авторитетов.

В результате всех этих изменений и процессов у очень большого числа людей и их общностей рухнет не только устоявшийся образ жизни, но и прежняя система представлений о ней. Мир, окружающая реальность всё более кажутся им чем-то непонятным, опасным, непредсказуемым, перестают укладываться в привычную логику. В результате, растущему числу людей все труднее нащупать в мире политики более или менее понятные и надежные ориентиры, все труднее получить ответы на волнующие и пугающие их вопросы. С одной стороны, это вызывает к жизни все то, о чем сказано выше. С другой – формирует сложный и чреватый опасностями вызов для ответственных политиков по всему миру. Более того, возможно, что в ближайшие десятилетия этот вызов будет осознан как главный для всего человечества, а поиск ответов на него станет главным содержанием политического поиска в предстоящие двадцать-тридцать лет.

Подъем антиглобалистских и традиционалистских настроений в развитых странах, в значительной степени определивший исход референдума о выходе из ЕС в Великобритании и президентских выборов в США, оказался сопряженным с общим изменением восприятия в мире процессов глобализации от больших надежд и оптимизма к преобладанию в этом восприятии тревог, опасений и разного рода страхов.

Дональд Трамп в гольф-клубе, названном в его честь, на курорте Терберри в Шотландии. Трамп поприветствовал результаты Brexit: «They took back their country, it's a great thing» («Они вернули себе страну, это большое дело»), июль 2016. Andrew Milligan/PA via AP

Сторонники выхода Великобритании из ЕС, город Тивертон, май 2016. Lewis Clarke

Сторонники Дональда Трампа с плакатами, на которых написан предвыборный слоган Трампа "Make America great again" ("Сделаем Америку снова великой"), город Манхейм, Пенсильвания, октябрь 2016. George Sheldon/Shutterstock.com

Факельное шествие в Университете Виргиния в ходе массовых выступлений расистов в городе Шарлотсвилль, штат Виргиния, США. Август 2017. Andrew Shurtleff/The Daily Progress

ПРИЧИНЫ:
ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО
КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

ПРИЧИНЫ: ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

Ключевые особенности (структурные элементы) современного мира, которые являются источником его опасностей и неопределённостей – как в глазах напуганных обывателей, так и по объективным причинам – вполне поддаются выделению и описанию. Некоторые из них прямо или косвенно отражаются в массовом восприятии, разрушая в нем сложившуюся в предыдущие десятилетия картину мира и понимание логики его развития. Разрушение этой логики и является причиной той растерянности и оживляющегося страха перед будущим, которые, на мой взгляд, и лежат в основе названных выше процессов, которые только на первый взгляд кажутся неожиданными.

Если попытаться назвать эти ключевые структурные элементы, то в первую очередь следует отметить **неравенство в самых различных его проявлениях в сочетании с фатальным ощущением его неотвратимого нарастания и непреодолимости**, постепенно становящееся едва ли не символом наступающей новой эпохи – «новой нормальности».

Конечно, неравенство людей по их социальному и имущественному положению существует испокон веков, временами сокращаясь, но при этом оставаясь одной из доминирующих черт человеческого общежития в самых разных его форматах. И если сегодня этот вопрос о неравенстве оказался в центре дискуссий, то это не потому, что раньше его было меньше, но потому, что надежды на его постепенное преодоление или хотя бы существенное ослабление вступили в противоречие с реальностью последних полутора-двух десятилетий.

Действительно, мейнстримная мысль второй половины прошлого века явно или неявно исходила из того, что прогресс технологий, рост массового потребления, интернационализация экономической жизни, переросшая в комплексную глобализацию, делают излишним и должны постепенно смягчать вековое неравенство и крупные разрывы в уровне жизни, образования и возможностях участия в управлении обществом между отдельными людьми, общественными классами и группами, странами и группами стран. Сама идея глобализации, которая к концу столетия стала

чуть ли не общим местом в сознании огромной массы мыслящих людей в наиболее развитой части мира, предполагала постепенное выравнивание условий труда и жизни в самых различных частях мирового хозяйства и внутри общества за счет растущей свободы движения не только продуктов экономической деятельности, но и основных факторов производства – капитала, рабочей силы, применяемых технологий производства и предпринимательства. Ключевой силой, обеспечивающей необратимость этих процессов, считались транснациональные корпорации, преодолевающие сопротивление национальных правительств, склонных под давлением избирателей возводить барьеры на пути свободных международных обменов.

Эту новую экономику называют по-разному, но главное – она базируется на интеллектуальном контенте, позволяющем не просто удовлетворять запросы потребителя, а искусственно создавать новые запросы, формируя и контролируя поведение своего потребителя.

К концу XX века этот тренд, как представлялось, стал доминирующим. Глобализация экономической и политической жизни в совокупности с предположительно необратимым триумфом концепции естественных прав личности, подразумевающей расширение доступа всех слоев общества к образованию, экономическим возможностям и управлению обществом («демократизация»), казалось, вывели мировое сообщество на магистральный путь постепенного преодоления образовавшихся социальных разрывов. При всем понимании, что этот процесс, особенно в глобальном измерении, будет непростым и исторически длительным, само направление движения не вызывало сомнений в интеллектуальной элите западных стран. Триумф концепции общественного прогресса на базе универсальных ценностей – приоритета прав личности, обеспечения реального равенства возможностей и учета интересов всякого рода меньшинств, требующих особого внимания для обеспечения такого равенства – многим, если не большинству, представлялся совершенно очевидным. Казалось, что магистральный путь

ПРИЧИНЫ: ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

человечества уже определился, и он ведет к постепенному переходу всего человечества к неким универсальным принципам общежития, которые включали в себя либеральную рыночную экономику, всеобъемлющую систему социальных и правовых гарантий и электоральную демократию, обеспечивающую представительство различных интересов и взглядов и их политическое взаимодействие.

И вот сейчас, во второй декаде 21 века, оценки, господствующие в интеллектуальной среде, резко поменялись*. Оказалось, что новый виток технологий в сочетании с возросшей ролью юридически (и институционально) защищенной интеллектуальной собственности привел к возникновению принципиально нового неравенства – вытекающего уже не столько из традиционно неравномерного распределения накопленного богатства, сколько из господствующего положения в системе новой экономики. Эту новую экономику называют по-разному, но главное – она базируется на интеллектуальном контенте, позволяющем не просто удовлетворять запросы потребителя, а искусственно создавать новые запросы, формируя и контролируя поведение своего потребителя. Тем самым она фактически создает и новую элиту общества, поднимая её над основной массой и обрекая эту массу на роль пассивного потребителя и вспомогательного материала для производства контента новой экономики. Это отдельная и очень большая тема, на которую уже написано немало работ и еще больше будет написано, поскольку процесс формирования «новой» экономики в качестве главного источника будущей прибыли находится еще в самом начале. Тем не менее уже сейчас есть все основания полагать (и тому уже есть реальные подтверждения), что тенденция к сглаживанию разрывов и сокращению неравенства во всем мире, на которую надеялись и уповали выдающиеся умы прошлого века, больше не работает.

* «The Economist» в 2014 писал: «Политические и экономические следствия этого замедления (роста развивающихся стран) будут фундаментальными. Миллиарды людей будут беднее и в течение более долгого времени, чем можно было ожидать ещё несколько лет назад.» (Hold the catch-up. Incomes in the developing world are no longer speeding toward those in the rich // <http://www.economist.com/news/leaders/21616951-incomes-developing-world-are-no-longer-speeding-toward-those-rich-hold-catch-up>)

Неравенство в самых различных его проявлениях в сочетании с фатальным ощущением его неотвратимого нарастания и непреодолимости, постепенно становящееся едва ли не символом наступающей новой эпохи – «новой нормальности»

Этот относительно недавний фактор действует не только в рамках национальных государств, где формируется и уходит в отрыв «новая» экономическая элита и, одновременно, начинают размываться экономические основания для дальнейшего роста образованного и включенного в производственный базис массового «среднего класса», так и в рамках мирового сообщества. В глобальном масштабе всегда существовавший разрыв между ядром мирового капитализма и его ближней и дальней периферией в новых условиях не только продолжает сохраняться, но и приобретает устойчивость. Различия в размерах добавленной стоимости на разных «этажах» глобальных производственных систем и цепочек перестают сокращаться и вновь начинают увеличиваться. А это означает, что разрыв между центром (или центрами) мирового хозяйства и его провинциями, старыми и новыми, в ближайшие десятилетия не только не «рассосется», но станет более выраженным. А это означает, помимо прочего, что все базовые условия жизни, включая её продолжительность, возможность получения высокотехнологичной медицинской помощи, профессионального образования и переобучения, качество доступных рабочих мест, степень социальной и правовой защищенности, личной безопасности и прочего, в развитом мире и на периферии будут не сближаться, а, скорее, расходиться.

И это отнюдь не безобидно. Этот растущий разрыв, возможно, определит содержание главного геополитического конфликта XXI века, в котором разлом будет проходить не по идеологическим линиям, а по степени включенности той или иной общности или страны в систему нового неравенства в рамках мирового хозяйства*.

* Как свидетельство важности темы и растущего интереса к ней во всём мире приведём книгу П. Мишры «Век гнева» (Mishra P. Age of anger: a history of the present. Penguin books, 2017) Выводы автора о причинах происходящего спорны, но яркое описание глобального кризиса сознания и состояния современного человека, осознающего бесперспективность своего существования, оставляет сильное впечатление. Нельзя не отметить и авторское понимание того, что масштаб происходящего делает необходимым глубокий всесторонний анализ ситуации, в которой оказался современный мир.

Дети в трущобах у железной дороги в Мумбае. Индия, февраль 2017.
Юрий Бирюков / Shutterstock.com

Дети в лагере беженцев в Дааби во время раздачи гуманитарной помощи.
Сомали, август 2011. Sadic Gulec / Shutterstock.com

После бомбардировки одного из жилых районов в Алеппо. Сирия, февраль 2014.
Freedom House / Shutterstock.com

Сирийские мигранты прибывают на остров Лесбос. Греция, октябрь 2015.
Nicolas Economou / Shutterstock.com

ПРИЧИНЫ: ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

Развитые страны, в которых концентрируются штаб-квартиры крупнейших транснациональных корпораций, центры управления и накопления интеллектуальных активов, юридически и институционально защищенные ядра их инновационной активности и реализации прибыли, получают новую «фору» для сохранения своего привилегированного положения. Их центральное, «ядерное» положение в глобальной экономической системе становится неоспоримым, а возможности получать за счет этого положения колоссальные доходы, значительная часть которых имеет монопольно-рентный характер, позволяет им с легкостью концентрировать на своей территории наиболее качественные и перспективные ресурсы, тем самым закрепляя свое центральное положение. В отличие от индустриальной эпохи, когда природные и организационные преимущества давали странам периферии реальный шанс обеспечить себе возможность «догоняющего» развития (что в той или иной форме продемонстрировали страны Восточной Азии – Япония, Южная Корея, отчасти Китай), то нынешнее лидерство «новой» экономики практически обнуляет шансы на новые «прорывы».

Мощная волна международной миграции, а в качестве сопутствующего явления – стихийный либо организованный (вплоть до государственного) терроризм как одно из ведущих современных политических направлений, и, как оборотная сторона медали, изоляционистский популизм в развитых странах, строительство ими стен – в прямом

Соответственно, отставшие страны, лишённые возможности хотя бы догоняющего развития, все чаще «сваливаются» в обиду, агрессию, архаику политического и общественного сознания. При этом ощущение значительной частью их населения отсутствия коллективной и личной перспективы ведёт к ориентированию значительной части активного населения на переселение в более богатые страны в качестве жизненной стратегии, в осуществление которой вкладывается вся имеющаяся энергия. Отсюда – мощная волна международной миграции, а в качестве сопутствующего явления – стихийный либо организованный (вплоть до государственного) терроризм как одно из ведущих современных политических направлений, и, как обратная сторона медали, изоляционистский популизм в развитых странах, строительство иммигрантских стен – в прямом и переносном смысле .

Это придает совершенно новое качество (а возможно, и смысл) процессам глобализации. Из средства сглаживания разрывов и уменьшения неравенства глобализация превращается в инструмент построения новой иерархии, установления более сильными и богатыми игроками таких правил экономической и политической игры, которые более бедным и слабым представляются несправедливыми, поскольку лишают их хотя бы относительно равных возможностей, дающих им реальный шанс «подтянуться» к глобальной «верхушке». Это, в частности, жесткие требования поддержания открытости внутренних рынков для внешней конкуренции. Это строгие правила, защищающие интересы владельцев интеллектуальной собственности. Это попытки лишить правительства возможности устанавливать дифференцированные условия для различных субъектов экономической деятельности (примат условий международных соглашений относительно полномочий национальных правительств). Это, наконец, попытки закрепить в международной практике некий свод универсальных правил («глобальных стандартов»), касающихся конкретных норм, процедур и протоколов действий при игнорировании национальных особенностей и возможных социально-экономических последствий для отдельных стран и территорий.

С другой стороны, ощущение уязвимости положения, в котором в условиях такой глобализации оказываются представители многих национальных элит в развивающемся мире, толкает их к насаждению «оборонных форм» авторитаризма и архаичных форм общественного сознания внутри их собственных стран, что закрепляет и усугубляет разрыв между «глобальным городом» и «глобальной деревней».

Президент США Барак Обама, президент Франции Франсуа Олланд и мэра Парижа Анна Идальго на месте одного из терактов в Париже, жертвами которых стали 130 человек. Франция, ноябрь 2015. Official White House Photo by Pete Souza

Палаточный городок мигрантов на севере Парижа. Франция, май 2017. Harriet Hadfield / Shutterstock.com

На месте теракта в центре Барселоны, жертвами которого стали 13 человек. Испания, август 2017. David Ortega Baglietto / Shutterstock.com

Антиамериканские акции протеста в Пакистане. Пакистанцы возмущены высказываниями президента США Дональда Трампа о том, что их страна предоставляет убежище террористам. Август 2017, AFP.

ПРИЧИНЫ: ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

Одновременно происходит и еще один важный процесс – **разрушение сложившегося после второй мировой войны миропорядка**, основанного на длительном сохранении относительно устойчивого равновесия сил, имевших различное представление о должных принципах устройства экономики и общества. Именно это равновесие, лежавшее в основе растянувшейся на десятилетия «холодной войны», обеспечивало связанность групп государств в устойчивые блоки и объединения, дисциплинировало их поведение и стабилизировало внутреннее устройство, тем самым обеспечивая определенную меру стабильности в международных отношениях. Сегодня это «холодное равновесие» сменилось относительно подвижным геополитическим соперничеством большого количества игроков, каждый из которых хотел бы играть по своим собственным правилам (хотя и не у каждого из них это получается). Тем не менее прежние правила во многом оказались сломлены – в региональных конфликтах и взаимоотношениях перестала действовать и логика «холодной войны», и готовность действовать в рамках жестких многосторонних союзов, и бывшая солидарность идеологических союзников. Да и концепция глобального лидерства, долгое время лежавшая в основе внешнеполитической стратегии США, сегодня де факто теряет былой вектор «руководящей и направляющей» роли американской внешней политики.

Как ни парадоксально это звучит, но мир сегодня становится гораздо более опасным местом, чем в годы холодной войны – с большим количеством угрожающих факторов, нестандартных и непредсказуемых, способных вызвать к жизни неконтролируемую эскалацию напряженности с риском полномасштабной (вплоть до ядерной) войны в качестве конечного пункта.

Происходит важный процесс – разрушение сложившегося после второй мировой войны миропорядка, основанного на длительном сохранении относительно устойчивого равновесия сил, имевших различное представление о должных принципах устройства экономики и общества.

Первое заседание Совета Безопасности Организации Объединенных Наций в Лондоне, Соединенное Королевство, 17 января 1946 года. ООН/Марсель Боломи

Советский политплакат «Американская «щука» и корейская наука», 1952 год, художник В. Брискин. Американский корабль под флагом «Мировое господство» терпит бедствие от корейского снаряда с надписью «Американским агрессорам от корейского народа!»

КПП между американским сектором и Восточным Берлином. Германия, 1950-е годы.
Roman Nerud / Shutterstock.com

Отсюда – обилие конфликтов и конфликтных ситуаций, для которых нет готовых лекал, с помощью которых можно было бы нарисовать «дорожные карты» для их решения, да и инструментов ограничения действий их участников стало гораздо меньше. Как ни парадоксально это звучит, но мир сегодня становится гораздо более опасным местом, чем в годы холодной войны – с большим количеством угрожающих факторов, нестандартных и непредсказуемых, способных вызвать к жизни неконтролируемую эскалацию напряженности с риском полномасштабной (вплоть до ядерной) войны в качестве конечного пункта. И это, безусловно, уже сейчас сказывается и на настроении избирателей в развитых странах, и на поведении политических лидеров, которые все чаще не только не могут найти эффективные ответы на новые вызовы, но часто даже не видят и не понимают их.

Большое значение имеют и **последствия четвёртой промышленной революции**, которая в последние десятилетия принципиально отличается от того технического прогресса, который мы знали. Если в прошлом веке технические достижения в первую очередь меняли способы взаимодействия человека с окружающей его природной средой, то сейчас объектом воздействия новейших технологий становится человеческое сознание, его характеристики, а также поведение людей и взаимодействие между ними.

Меняется не только источник информации, а само представление о том, что такое информация, её характер, сущность, взаимоотношения информационного поля и информационного потока с индивидуальным сознанием.

Используя форматы социальных сетей, люди фактически объявляют друг другу войну, превращая различия во мнениях в повод для травли и разжигания взаимной ненависти. В результате происходит атомизация общества, ослабление социального взаимодействия и взаимопонимания.

ПРИЧИНЫ: ПОЧЕМУ БУДУЩЕЕ ПЕРЕСТАЛО КАЗАТЬСЯ СВЕТЛЫМ

Кроме того, собственно информационные технологии начинают сами определять содержание информационного потока. Происходит субъективизация информационной среды – она становится не только инструментом получения контента, она его создаёт. Информационная среда становится субъектом, участником глобальных процессов. «Интернет вещей», облачные и «туманные» технологии – это абсолютно новые явления.

При этом становится понятным, что вместо цивилизационного прогресса и открытия новых возможностей следствием применения технологических достижений к человеческому сознанию всё чаще становится сознательное манипулирование им и, как следствие, социальный и личностный регресс. Происходит это прежде всего потому, что скорость качественных технических изменений в сфере информационных и коммуникационных технологий в последние четверть века всё больше опережает возможности человека, развитие человеческого сознания, которое не успевает приспособиться к новым условиям, адаптироваться к ним*.

* Проблема не в умении пользоваться «гаджетами» и не только и даже не столько в соотношении технических изменений и индивидуальной психики. У значительной части людей всегда были проблемы с приспособлением к техническим новшествам и достижениям, было непонимание, неприятие и т. д. Однако всегда была влиятельная и активная, пусть и представляющая меньшинство часть, которая шла вперёд и показывала путь другим.

А сейчас появилось отчётливое ощущение, что сами идущие впереди, не знают, куда идут, не видят реалистичной картины будущего, что слепые пытаются вести слепых и вот-вот все окажутся в глобальной яме.

Если страхом XX в. было восстание машин (роботы, которые вышли из под контроля и уничтожают человека), то теперь речь идёт о том, что сознание человека изменяется так, что он не узнаёт самого себя и постоянно опасается, остался ли он человеком. Человечество сомневается в своей идентичности. Автор популярной книги об истории человеческой цивилизации Юваль Ной Харари в своей новой книге «Homo Deus» приходит к выводу: “once technology enables us to re-engineer human minds, Homo sapiens will disappear, human history will come to an end, and a completely new process will begin, which people like you and me cannot comprehend.” (Harari Yuval Noah Homo Deus: a brief history of tomorrow. Harper Collins, 2016, p. 114-115.)

Например, надежды на то, что социальные сети установят в обществе горизонтальные связи и приведут к выходу на новый уровень социума, не оправдались. Напротив, они во многом привели к сегментации общества, а в ряде случаев – к своеобразной «холодной гражданской войне». Используя форматы социальных сетей, люди фактически объявляют друг другу войну, превращая различия во мнениях в повод для травли и разжигания взаимной ненависти. В результате происходит атомизация общества, ослабление социального взаимодействия и взаимопонимания.

Что же касается контроля за членами общества, вплоть до контроля сознания, то здесь, наоборот, открываются новые безграничные возможности, в частности связанные с возможностью сбора беспрецедентно большого объема данных о действиях и информационной активности граждан, а также практически неограниченного воздействия на их социальное и частное поведение*.

* Для качественного осмысления того, что происходит сейчас с человеком и миром, было бы полезно использовать понятие хронотопа, предложенное А. А. Ухтомским в контексте его исследований в области физиологии. Уже сам исследователь придал ему более универсальный характер, а в дальнейшем понятие закрепилось в философско-гуманитарной сфере как одна из ключевых категорий осмысления места человека в мире и его предназначения.

Хронотоп в нашем понимании - категория, характеризующая увязку (стыковку) пространства (некое содержание обстоятельств существования) и времени (прошлое, настоящее, будущее) в индивидуальном и общественном сознании. Хронотоп - закономерная связь пространственно-временных координат. В хронотопе индустриального модерна, связанном с понятием прогресса, существует достаточно чётко определённое прошлое и будущее, а настоящее – точка, которая движется от прошлого к будущему. В постмодернистском хронотопе (стремящемся к доминированию сегодня) актуальное человеческое сознание из движущейся вперёд точки превращается в размытое пятно смешения настоящего с прошлым. Будущее почти не просматривается. Утрачивая ясность перспективы, жизнь становится разноскоростной, разнонаправленной, фрагментированной.

Использование понятия хронотопа для осмысления влияния Четвёртой промышленной революции на сознание современного человека и общественное сознание в XXI в. – перспективная тема для отдельного исследования, но в рамках данной статьи важно обозначить это направление движения мысли.

НОВЫЕ КАНАЛЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИКИ
И СОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА

Названные факторы, действуя в совокупности, коренным образом меняют состояние общественного сознания и характер отношений внутри общества, прежде всего в развитых странах.

Главным фактором здесь, безусловно, являются **технологические изменения**, которые на самом деле оказывают гораздо большее влияние на все сферы жизни – от экономики и политики до идеологии и культуры – чем это принято считать или признавать.

В чем главное содержание этих изменений? Прежде всего в том, что ослабла и продолжает ослабевать связь развития производственных технологий с материальной экспансией человечества и составляющих его сообществ. Это особенно заметно, когда сегодня, с высоты второго десятилетия нового века, оглядываешься на прогнозы писателей и футурологов относительно современной нам эпохи, которые делались ими 50 – 100 лет назад. Экстраполируя на будущее опыт 19 – начала 20 века, магистральным направлением развития техники и технологий они видели преобразование человечеством окружающего его материального мира, подчинение его своим желаниям и потребностям. Отсюда – предположения о грядущей экспансии человечества, освоение им все новых пространств и природных ресурсов, создание все новых и новых элементов материальной инфраструктуры, что, опять же, подразумевало растущие затраты соответствующих ресурсов и поиск все новых масштабных запасов и источников таковых.

Экстраполируя на будущее опыт 19 – начала 20 века, магистральным направлением развития техники и технологий писатели и футурологи видели преобразование человечеством окружающего его материального мира, подчинение его своим желаниям и потребностям.

Альбер Робида, «Покидая оперу в 2000 году» (La Sortie de l'opéra en l'an 2000), 1902 год. Библиотека Конгресса США, Вашингтон.

Канцлер ФРГ Ангела Меркель на выставке компьютерных игр в Кельне. На экране монитора игра «Майнкрафт» с прототипом игрока похожим на Меркель. Август 2017, AP Photo/Martin Meissner

Робот YuMi дирижирует филармоническим оркестром и солистом Андреа Бочелли в Театре Верди, Пиза, Италия. 12 сентября 2017, REUTERS/Remo Casilli

Презентация новой модели смартфона iPhone X. Купертино, ш. Сан-Франциско, США. Сентябрь 2017/ Reuters.

На деле же развитие пошло несколько иным путем. Во-первых, большую и, главное, растущую часть своего потребления население богатейших стран переключает на различного рода нематериальный культурный и интеллектуальный «контент», не требующий для своего производства гигантских материальных и энергетических затрат. Почему это происходит – это совершенно особый вопрос, требующий отдельного разговора, но это факт.

Во-вторых, прогресс материальных носителей этого контента пошел по пути минитюаризации и индивидуализации, что лишь усиливает наметившийся перелом прежних тенденций, снижая роль факторов, связанных с экстенсивным развитием.

В-третьих, снижение рождаемости и рост продолжительности жизни практически повсеместно привели к демографическим сдвигам – резкому замедлению роста численности населения и «старению» его возрастной структуры. Демографические изменения такого рода ведут к вынужденному изменению структуры производства и потребления, отдаляя её от образцов и стандартов индустриальной эпохи. Вместо пространственной экспансии новая структура спроса толкает бизнес и, соответственно, определяемые им направления прогресса технологий в сторону удовлетворения индивидуальных желаний ограниченного по численности, более сосредоточенного на себе и своем образе жизни населения.

Если ранее ключевой фигурой в крупной корпорации, добивавшейся лидирующих позиций на рынке, был талантливый инженер, то теперь рядом с ним, а иногда и над ним, встал коллективный рекламщик-маркетолог, обеспечивающий контроль над рынками с помощью исследований массового сознания и технологий воздействия на него.

Магистральным направлением развития и практического применения новых технологий стала не внешняя экспансия сообществ, а совершенствование и расширение возможностей сбора, обработки, передачи и использования информации, что, с одной стороны, дало толчок и расширило возможности получения новых знаний и их применения в широком спектре областей, а с другой – предоставило бизнесу техническую возможность «замкнуть» экономический рост на работу с желаниями и стремлениями атомизированного индивидуального потребителя.

Эта тенденция получила подкрепление и с другой, во многом неожиданной стороны – со стороны прогресса научно подкрепленных технологий целенаправленной работы с индивидуальным и массовым сознанием. Послевоенные разработки соответствующих технологий, во многом опиравшиеся на идеологические установки, вытекавшие из получивших широкое признание работ Фридриха фон Хайека и математика Джона Нэша, как оказалось, могут с успехом использоваться в бизнесе для формирования желаемых образцов потребительского поведения. Если ранее ключевой фигурой в крупной корпорации, добивавшейся лидирующих позиций на рынке, был талантливый инженер, то теперь рядом с ним, а иногда и над ним, встал коллективный рекламщик-маркетолог, обеспечивающий контроль над рынками с помощью исследований массового сознания и технологий воздействия на него. Это позволило даже промышленным компаниям кардинально снизить роль и удельный вес материальных затрат в совокупной стоимости их продукции и увеличить роль нематериальных активов в получении доходов

(так называемая «софтизация»), не говоря уже о повсеместном росте доли сферы услуг в развитых экономиках. То есть объектом работы с потребителем является не банальное удовлетворение его реальных материальных потребностей, пусть даже гипертрофированных и искусственно раздутых, а инициирование у него чувства радости и комфорта от удовлетворения искусственно и умело навязанных ему потребностей и произведенных расходов, которое достигается грамотной работой с его сознанием, его поведением, рефлексам, его мозгом, что позволяет получать такое соотношение реально понесенных затрат и полученной выручки, которое и не снились пионерам индустриального капитализма.

Кроме того, смещение акцентов бизнес-стратегий в сторону контроля над потребительским поведением, конечно же, ослабляло конкуренцию в ряде ключевых сегментов экономики, формируя олигопольные конструкции, обеспечивая образующим эти конструкции корпорациям высокую реальную доходность их деятельности. Особенно если учесть, что значительная часть доходов не фиксируется как предпринимательская прибыль, а оформляется как доход владельцев интеллектуальных активов, услуги которых оплачиваются с включением соответствующих выплат в издержки. Это явилось мощной основой для формирования нового типа неравенства, о котором шла речь выше, а также слоя так называемых «новых создателей богатства» (new wealth-builders), нарушающих привычные каноны его накопления и получения места в верхней части общественной пирамиды.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ:
КАК НОВЫЕ РЕАЛИИ ПОВЛИЯЛИ
НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

В результате общественное сознание пережило целый ряд шоков. Действие традиционных «направляющих конструкций» этого сознания постепенно, но неуклонно ослаблялось. Общество XIX и большей части XX века было преимущественно классовым, в котором образ жизни, жизненные цели и ориентиры, разнообразные социальные ограничители, включая морально-психологические установки, в преобладающей степени определялись принадлежностью индивида к определенной социальной группе и классу. С точки зрения оптимизации использования факторов производства наличие в обществе классовых перегородок и сопутствующих им элементов сознания, как правило, считается минусом, но отрицать их определенную стабилизирующую роль для общества было бы всё-таки некорректно. Однако к концу века роль классового фактора и классового сознания в обществе резко ослабла, что наглядно отразила трансформация партийно-политической системы в странах Запада, которая в качестве средства обеспечения электоральной базы в значительной степени переориентировалась с классовых интересов на вопросы индивидуальной идентичности, этничности, культурных и поведенческих установок, половозрастных особенностей сознания и т.д.

На место привычных политических канонов, связанных с этими ценностями, пришла постмодернистская карнавальная политика – публичные шоу вместо решения проблем, постоянное переключение внимания публики с одних далеких от насущных потребностей проблем на другие, поощрение «цивилизации комфорта» (жизнь в стиле «лайт»).

На смену традиционным основаниям общественного сознания, морали и поведения неумолимо шло явление, которые можно назвать сознанием «постмодерна» – основанное на чрезвычайной подвижности общественной повестки, гибкости и изменчивости оценок, в том числе нравственных, крушении иерархии общественных авторитетов и механизмов их воздействия на общество, тотальной ревизии системы ценностей, формировавшейся на протяжении двадцатого века и подчинения трактовки ценностей задачам текущего момента. На место привычных политических канонов, связанных с этими ценностями, пришла постмодернистская карнавальная политика – публичные шоу вместо решения проблем, постоянное переключение внимания публики с одних далеких от насущных потребностей проблем на другие, поощрение “цивилизации комфорта” (жизнь в стиле «лайт»).

Прежняя система самоконтроля общественных процессов при помощи устоявшейся публичной морали и трактующих её авторитетов стала терять не только эффективность, но и смысл. В полной мере и, по большому счету, впервые этот факт оказался в фокусе общественного внимания в связи с финансово-экономическим кризисом 2008-2009 гг., именованным также Великой рецессией. Однако крах прежних поведенческих и нравственных ориентиров начал проявляться задолго до этого кризиса, послужив одним из важнейших его оснований. Об этом подробнее было сказано в моей книге «Realeconomik»*, и в какой-то степени нынешние вызывающие тревогу процессы в политическом сознании и экономиках развитых стран являются отзвуком и следствием процессов, привлечших внимание на волне реальной паники, вызванной тем кризисом.

* Рецессия капитализма — скрытые причины.Realeconomik. Книга предлагает определенный системный взгляд на экономические реалии современного капитализма. Рассматривается взаимосвязь последнего мирового экономического кризиса и текущей рецессии с долгосрочными трендами в природе современной мировой экономики. Впервые предпринята попытка проанализировать роль исторической и технологической ренты, объясняются структурные изменения, произошедшие в развитых экономиках, в пользу «новой» экономики. Обосновывается тезис о том, что общественные представления о благе играют в экономике гораздо большую роль, чем принято считать. Отмечается закрепление неравенства как внутри развитых экономик, так и в рамках мирового хозяйства, а также изменение характера воздействия научно-технического прогресса на экономику.

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ: КАК НОВЫЕ РЕАЛИИ ПОВЛИЯЛИ НА ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Одновременно, конечно, огромное воздействие на общественное сознание в последние десятилетия оказало развитие глобализации. Если первоначально речь шла просто о снятии барьеров на пути движения товаров и капиталов, трансграничной экспансии крупнейших мировых корпораций и интернационализации хозяйственной жизни, то по мере развития этого процесса оказалось, что он имеет собственную логику, результаты действия которой невозможно ни предотвратить, ни поставить под жесткий контроль.

Сирийские беженцы на венгерско-хорватской границе. Венгрия, октябрь 2015.
Istvan Csak / Shutterstock.com

Главный пример таких «незапланированных» результатов глобализации — это массовая неконтролируемая миграция людей из стран и регионов с худшими условиями жизни в центры мировой экономики — Западную Европу и США

Главный пример таких «незапланированных» результатов глобализации – это массовая неконтролируемая миграция людей из стран и регионов с худшими условиями жизни в центры мировой экономики – Западную Европу и США. На фоне этого возник так называемый «мультикультурализм» как вынужденный ответ (или, скорее, поиск ответа) на возникшее в этих центрах социальное напряжение. На этом фоне, в свою очередь, новое измерение приобрела и проблема терроризма, которая окрасилась в этнические и религиозные тона в соответствии с характером международной миграции.

Образованная и интересующаяся глобальными вопросами часть населения развитых стран вдруг обнаружила, что уход с мировой арены коммунизма несмотря на глобализацию вовсе не означает торжество в мировом масштабе казавшейся ей неоспоримой модели либерального капитализма. Оказалось, что в глобализированном мире у этой модели есть серьезные конкуренты – в частности, в Азии, но не только. Одной из отличительных черт эпохи «нулевых» стало оживленное обсуждение возможного будущего стран так называемого «нелиберального капитализма». И если Россия на Западе воспринималась как аргумент против идеи «конца истории» главным образом вследствие её огромного военного, в первую очередь ракетно-ядерного потенциала, то нынешний абсолютно нелиберальный Китай оказался мощнейшей экономической силой, способной в будущем претендовать на гегемонию на обширных пространствах.

Более чем вероятно, что перспектива глобального политического и экономического лидерства Китая в его нынешнем виде является призрачной. Его политическое устройство и критически значимые ограничения свободы личности и творчества слишком серьезны, чтобы представить его в роли доминирующего международного игрока, законодателя правил и регулятора мировой экономики. Тем не менее как наиболее мощный, и при этом далеко не единственный представитель модели «нелиберального капитализма», Китай оказал очень серьезное влияние на состояние общественного сознания в странах «ядра» мирового капитализма.

Более чем вероятно, что перспектива глобального политического и экономического лидерства Китая в его нынешнем виде является призрачной. Его политическое устройство и критически значимые ограничения свободы личности и творчества слишком серьезны, чтобы представить его в роли доминирующего международного игрока, законодателя правил и регулятора мировой экономики.

Так или иначе, но общественные настроения в развитых странах в последние полтора-два десятилетия изменились очень существенным образом. Элементы недоверия к существующим политическим элитам на фоне общего ощущения отчуждения от официальной власти заметно возросли. Исчезла массовая уверенность в том, что политики в целом ведут западное общество по правильному пути, а их почти безграничная поддержка усилий по либерализации международного движения товаров, капиталов, людей и идей гарантирует устойчивое экономическое развитие и более или менее равномерное и справедливое распределение его благ. Психологический протест против роста нового неравенства постоянно рос на фоне явной стагнации доходов традиционного «среднего класса» и «синих воротничков».

Президент России Владимир Путин и председатель Китайской народной республики Си Цзиньпин по окончании церемонии подписания совместных документов в Шанхае.
21 мая 2014 г. РИА Новости

Заклученные в китайской тюрьме в провинции Сычуань. Китай, май 2009.
Peter Parks/AFP/Getty Images

По данным американского Конгресса, в Китае на 1 октября 2015 г. содержалось 1327 заключенных по политическим или религиозным мотивам.

Церемония вручения Нобелевской премии мира правозащитнику Лю Сяобо, находившемуся в китайской тюрьме. Кресло лауреата осталось пустым. Осло, декабрь 2010.
Marta B. Haga / Flickr.com

Цветы и записи с соболезнованиями в связи со смертью правозащитника Лю Сяобо, здание представительства правительства КНР в Гонконге. Китай, июль 2017. Etan Liam / Flickr.com

Несмотря на заметную «атомизацию» обществ ввиду ослабления горизонтальных связей и традиционных институтов, объединяющих людей по признаку их социально-экономического положения и профессии, общее брожение в умах и ощущение несправедливости происходящих перемен нарастало. Также нарастало и стремление, часто подспудное, попытаться остановить эти перемены, вернуться в прошлое, представляющееся гораздо более понятным, комфортным и справедливым.

Одновременно нарастал протест против старых и новых элит, которые не только очевидно выигрывали от происходящих перемен – как тех, что связаны с глобализацией, так и тех, которые можно условно определить как пришествие политического «постмодерна» – но и активно пропагандировали их, представляя в форме новых безусловных ценностей, в какой-то степени даже сакрализируя их.

В чем нашли проявления эти растущие настроения – известно. Это как раз то, о чем было сказано в начале первой части – возвращение на авансцену политической жизни политических сил, апеллирующих к тоске по прошлому и привычному жизненному укладу, к отказу от глобализации (или хотя бы от её видимых проявлений) и возвращения к примату национального государства, к стремлению по возможности изолироваться от рискованных процессов международного характера и происхождения с непонятным исходом, отвергнуть тех политиков из числа новой (да и старой) элиты, которые замкнулись в своем благополучии и не хотят думать о тревогах и страхах «простого» обывателя. В этом, собственно, и лежат истоки якобы неожиданных исходов знаковых голосований последних лет – референдума о «Brexit», президентских выборов в США, равно как и растущей поддержке в европейских странах сил, представляющих себя как консервативную правую альтернативу.

ВРЕМЕННЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ
ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ТРЕНД?

ВРЕМЕННЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ТРЕНД?

Вопрос о том, насколько серьезен и, главное, насколько долгосрочен наметившийся в последние годы поворот в общественном сознании, который можно условно назвать поворотом от будущего к прошлому (сам для себя я обозначаю его мемом «again policy» в знак многочисленных призывов отражающих этот разворот политиков «вернуть» якобы имевшееся в прошлом величие, гармонию, идентичность и т. д.*) – один из самых насущных вопросов.

На первый и, по существу, поверхностный взгляд все вышеописанное представляется краткосрочной реакцией на проблемы и трудности, «всплывшие» в последнее десятилетие и не завоевавшие должного внимания современных политико-экономических элит в странах Запада. Действительно, именно в последние десять лет на объединенную Европу стали сильно давить и неурегулированные бюджетные взаимоотношения между членами ЕС, и нарастающий поток мигрантов из стран глобального Юга, и впервые за последние тридцать лет ставшая более чем реальной угрозой масштабного вооруженного конфликта на границах с Россией. Для США последние десять лет стали шоком в результате экономического кризиса 2008 г.,

* Это, в частности, и Трамп с его обещанием «снова сделать Америку великой», и лозунги противников ЕС в Европе, обещающих «вернуть» европейские страны их народам, и ностальгия по «славным советским временам» в России. В Индии, Китае, Иране, Турции «again policy» выражается в отрицании европейского пути развития цивилизации и попытке заменить его чем-то не очень определенным, но, несомненно, с мыслью о восстановлении былого национального (национал-имперского) величия и претензией на роль регионального или глобального цивилизационного центра (политика Нарендры Моди, Реджепа Эрдогана, Си Цзиньпина и КПК в целом, иранских аятолл). В России - это навязываемая Путиным ностальгия по СССР, попытка вернуть контекст Холодной войны и стремление к «Новой Ялте» «на троих» с США и Китаем.

В реальности избиратели Трампа, из «ржавого пояса Америки» так и не дождутся рабочих мест для себя на вернувшихся из Мексики, Индии, Китая производствах. Производства, может быть, и вернутся, но место человека займут роботы, автоматизированные системы, основанные на новых технологиях. По оценкам экономистов Дарона Асем оглу из Массачусетского технологического института и Паскуала Рестрепо из Бостонского университета, к 2025 г. роботы оставят без работы по пессимистичным оценкам от 3,3 до 6 млн. человек, по оптимистичным - от 1,9 до 3,5 млн человек.

Что же касается социально-политических конструкций, то надо помнить о том, что тупиковый характер выбора между национализмом и империализмом как способами политического развития уже осознавался западноевропейскими политиками и интеллектуалами в середине XX века. Ответом на этот вызов и решением задачи поиска стабильной политической конструкции для послевоенной Европы стала концепция союза наций, основанного на взаимных гарантиях безопасности – Евросоюза. Отказ от найденного ответа заведомо оставляет мир в ограниченном пространстве между изоляционистским национализмом и имперскими национализмом.

обнажившего застарелые проблемы в финансовом секторе и в сознании деловой элиты страны, и последующего ощущения невозможности на своих условиях урегулировать острые конфликты в зарубежных зонах американских интересов. Азиатские страны столкнулись с несущим новую неопределенность экономическим и военным возвышением Китая, а российская элита, опираясь на беспрецедентно высокие нефтяные доходы, отправилась искать какое-то свое новое место и роль, решительно отказываясь от системы координат в мировой политике, которую утвердил в послевоенный период коллективный Запад. Все это – действительно относительно новые явления, в отношении которых активная часть затронутых этими событиями обществ не имела готовых рецептов реагирования.

Однако трансформация общественного сознания назревала и, более того, начала происходить задолго до последних событий. В частности, процессы, связанные с изменением технологической базы экономики и общества, с изменением характера и направленности работы на рынках верхушки крупного бизнеса и его лидеров, с соответствующими подвижками в потребительском поведении и возможностями манипулирования последним – все это исключительно долгосрочные сдвиги в современном капитализме, которые не связаны ни с конкретной фазой цикла конъюнктуры, ни с политическими пертурбациями, ни с какими-либо случайными или единичными событиями. Все это – часть фундаментальных исторических процессов, начало которых можно проследить еще в 1970-х-1980-х годах, а в отдельных случаях – даже раньше.

ВРЕМЕННЫЕ ОТКЛОНЕНИЯ ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ ТРЕНД?

В особенности это касается идеологической сферы. Апология индивидуализма и индивидуальных желаний; примат потребительского сознания над коллективным в качестве предмета социальной инженерии; фактический вывод нравственных ценностей из числа факторов, определяющих практическую политику, в пространство идеологического прикрытия и демагогии. Тенденция к «технологизации» экономического анализа; стремление представить любые процессы в сфере экономики и бизнеса в качестве набора технологически детерминированных корреляций между теми или иными переменными величинами и факторами. Сведение содержания экономической политики к оптимизации динамики агрегированных показателей роста безотносительно их связи с долгосрочными социальными последствиями и их оценкой теми или иными группами в обществе. Все это получало широкое распространение задолго до кризиса 2008 г. и последовавших за ним событий. Более того, здесь прослеживается связь с мировоззренческими постулатами, воздействие которых на общественное сознание стало заметным еще в разгар «холодной войны» и во многом стимулировалось ею*.

Но и в области технологий нынешний скачок к активному смещению фокуса конкуренции в сторону влияния на потребительское сознание в его самых простых и нерациональных формах, в сторону работы с бессознательным природным началом или со столь же бессознательными предрассудками был подготовлен характером взаимодействия производства и сферы исследований в течение всех последних десятилетий прошлого века. Современные технологии («модерн») соединились с политико-идеологическим «пост-модерном», главная черта которого – отказ от подчинения политики жестким принципам нормативного характера, и породили ту структуру общественного сознания, которая сегодня превращается в доминирующую. А именно: разрыв между новыми элитами, которые перестают ощущать себя ответственными за состояние общества в целом, превращаясь в класс для себя и воспроизводя худшие черты олигархического сознания (снобизм, ощущение себя изолированной кастой,

* Известно, что многое из того, что сегодня оказалось в западном идеологическом мейнстриме, в 1950-е-1960-е годы составляло содержание секретных разработок ЦРУ, активно работавшего над рецептами обеспечения победы США в его «холодной войне» против СССР.

Внутри правящего слоя прежние разделительные линии, проходившие по линиям идеологических различий и конфликтов постепенно утрачивали прежнюю значимость, уступая место общему отчуждению политико-экономической элиты от остальной части общества.

уверенность в закономерности и вечности своего особого места в обществе и экономике), и остальным обществом, которое чувствует себя оставленным без внимания, преданным и брошенным на произвол истории.

Этот разрыв усугубляется тем обстоятельством, что внутри правящего слоя прежние разделительные линии, проходившие по линиям идеологических различий и конфликтов (либерализм vs дирижизм в экономической политике, традиционализм vs реформаторство и естественное неравенство vs эгалитаризм в общественной практике) постепенно утрачивали прежнюю значимость, уступая место общему отчуждению политико-экономической элиты от остальной части общества*.

При этом инерция жизни внутренне структурированного, в значительной степени иерархически организованного общества продолжает поддерживать его в связанном состоянии, предотвращая открытый кризис государственности. Однако деструктивные всплески отрицательной энергии, порождаемые этим разрывом, периодически выходят на поверхность, проявляясь в неожиданных результатах голосований (если речь идет об электоральных демократиях) или мощной уличной активности, которая может использоваться альтернативными элитами для насильственного отстранения от власти узурпирующих её групп, что характерно для стран с авторитарной формой правления.

* Именно это ярко проявилось в ходе «протестного» голосования в Великобритании на референдуме о выходе из ЕС – как отмечали многие, все рациональные доводы консолидированной элиты о выгоде пребывания Соединенного Королевства в ЕС разбивались о чувство усталости масс от космополитичной элиты, занятой, по преобладающим ощущениям, исключительно обеспечением собственного благополучия. Нечто подобное происходило и во время президентских выборов 2016 года в США: у больших масс избирателей стихийный протест против эгоистичной, оторвавшейся от мира «простых людей» глобализированной элиты брал верх над доводами разума и даже над соображениями практической выгоды.

A dramatic landscape with a dark, stormy sky and a green field at sunset. The sky is filled with heavy, dark clouds, with a bright orange and yellow glow on the horizon. The foreground is a lush green field.

БУДУЩЕЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Россия и Запад переживают сейчас худший период отношений не только за постсоветскую четверть века, но и, возможно, вообще в истории. Даже мрачные времена Холодной войны, даже близость «горячего» противостояния Карибского кризиса, кажется сейчас, оставляли больше надежды на будущее. Может быть потому, что речь тогда шла о борьбе за направление движения вперед, за лидерство в европейской в своей основе цивилизации, глобальное первенство которой было неоспоримым.

Сейчас – время другого кризиса: неустойчивости, нарастающего глобального хаоса, а главное – всеобщей неуверенности и даже потери образа будущего. При этом официальная Россия кроит политику по лекалам холодной войны, пытаясь исходить из принципа игры с нулевой суммой – что плохо для Запада, хорошо для нас. Именно этот посыл был в основе внутрироссийской истерики на тему «Трампаш». Никаких оснований рассчитывать на то, что американские неоконсерваторы станут геополитическими союзниками России никогда не было, но раз западный истеблишмент воспринимает победу Трампа как что-то плохое – да здравствует это плохое.

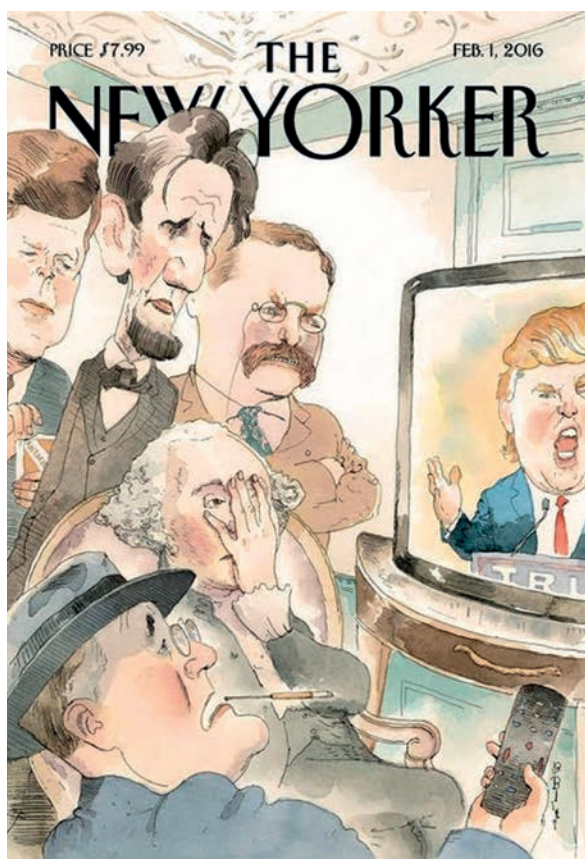
В действительности, судьба России и Запада, их будущее взаимосвязаны, также как связаны между собой причины происходящего в России и глобальной политике.

То, что переживает наша страна, та ситуация, в которой она оказалась – во многом следствие применения на российской почве ограниченных концепций, которые, в конечном счёте, привели к глобальному кризису целеполагания и доверия. В основе этих концепций – идеи негативной свободы, предельного индивидуализма, спонтанного порядка, нарисованного в утопиях саморегулируемого рынка.

Понятно, что нынешнее состояние мира неустойчиво, сопряжено с огромным количеством рисков и никак не способствует ни экономическому росту, ни консолидации человеческих сообществ вокруг действительно значимых целей и действий. Однако серьезный прогресс в деле глобального переустройства на более разумных началах сегодня невозможен без

глубокого реформирования наиболее развитой его части и альтернативы движению именно в этом направлении – реформирования Запада, как способа преодоления глобального кризиса – нет.

Никаких оснований рассчитывать на то, что американские неоконсерваторы станут геополитическими союзниками России никогда не было, но раз западный истеблишмент воспринимает победу Трампа как что-то плохое – да здравствует это плохое.

Обложка журнала The New Yorker, февраль 2016.

Обложка журнала The New Yorker, февраль 2016.

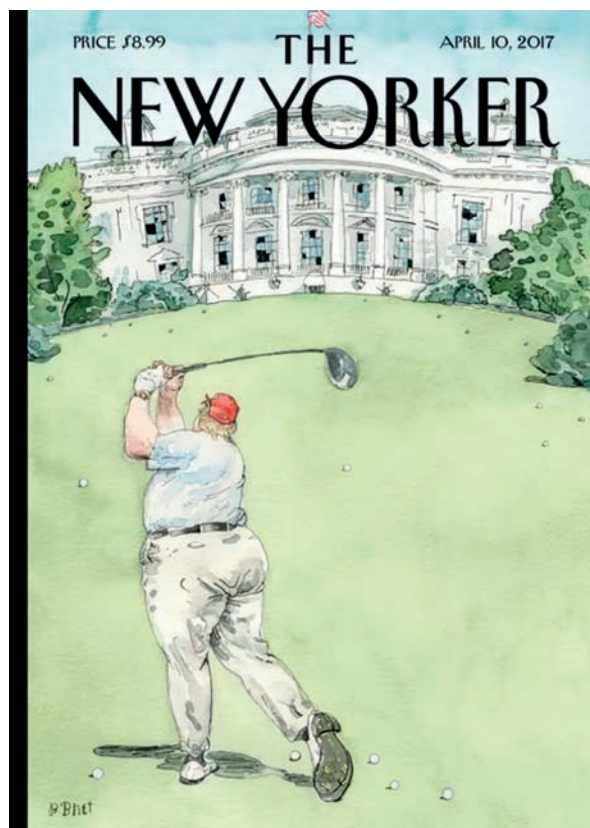
Обложка журнала The Economist с надписью The new nationalism («Новый национализм»), ноябрь 2016.

Обложка журнала The New Yorker, февраль 2017.

Обложка журнала The New Yorker, март 2017.

Обложка журнала The New Yorker, апрель 2017.

Обложка журнала Der Spiegel, август 2017.

Обложка журнала The New Yorker, август 2017.

Прошедший саммит БРИКС – очередное тому доказательство. Сама по себе идея, конструкция БРИКС, была интересна как вызов признанным лидерам, но сейчас, когда позиция мирового трендсеттера, фактически, вакантна, становится очевидным, что собравшимся в Сямэне лидерам, по большому счёту, нечего предложить ни по одной из острых тем. Особенно показательной стала словесная защита российским президентом от санкций и давления Северной Кореи, продолжающей бравировать ядерной угрозой всему миру.

Вместо признания универсального характера основных ценностей развитого мира, защиты этих ценностей от забвения и дискредитации, в том числе самими западными элитами, Россия фактически солидаризировалась с усилиями по такой дискредитации, хотя и с другого фланга.

Именно на Западе сегодня должен начаться процесс оздоровления общества, преодоления дестабилизирующих его разрывов и поиск новых механизмов обеспечения соответствия общественных институтов стоящим перед ними задачам. Построение институтов, трансформирующих гуманистические европейские ценности в политические, экономические и социальные практики – одно из таких направлений. Нынешнее отношение между рыночными механизмами и механизмами реализации общественных задач должно быть перевернуто и поставлено с головы на ноги, что в числе прочего должно обеспечить прогресс в деле сокращения неравенства и обеспечения действительно равных возможностей для представителей различных социальных групп с точки зрения представительства их интересов. И, безусловно, должны быть преодолены элементы постмодернизма в организации политической и общественной жизни в этих странах: идеи первичности индивидуальных желаний, равноценности любой деятельности по извлечению прибыли вне зависимости от общественной оценки её результатов, абсолютной пользы процессов глобализации и др. должны уйти из реальности стран Запада как форпоста мирового капитализма в современном его обличье.

Значительную роль в этом процессе могла бы сыграть и Россия. Её специфика заключается в том, что в силу особенностей своей истории она «выпала» из стандартного ряда, сильно отстав от ядра мирового капитализма в экономическом развитии, но сохранив амбиции и потенциальные возможности, в силу которых её не устраивает то место на мировой периферии, куда сегодня её толкают силы глобальной конкуренции. Не желая смириться с ролью части «мировой деревни», она пытается повысить свой статус с помощью использования военной силы, с одной стороны, и попытки представить себя в качестве альтернативы западному миру в социально-политическом плане – с другой. Будучи не в состоянии взять на себя роль одного из лидеров «мирового города», чему препятствуют как скромность экономического потенциала России, так и нежелание хозяев этого «города» признавать за новым претендентом какие-либо особые права и привилегии, Россия в этих условиях стремится выделиться в качестве лидера альтернативных сил, упирая на свою самобытность и ориентированность на «традиционные ценности», противопоставляемые «западным», представляемых в качестве ложных.

То есть вместо признания универсального характера основных ценностей развитого мира, защиты этих ценностей от забвения и дискредитации, в том числе самими западными элитами, Россия фактически солидаризировалась с усилиями по их дискредитации, хотя и с другого фланга. И официально, и неофициально Россия стала на позиции сознательной компрометации важнейших европейских ценностей и поддержки тех сил внутри западных обществ, которые работают на их самоизоляцию и дезинтеграцию.

При этом сами ценности желаемого будущего – общества свободных индивидов, построенного на принципах политической конкуренции и согласования интересов на основе права и дисциплинирующей роли общественной морали, оказались отвергнуты. Их место при активной пропаганде государства занимают элементы архаичного, демодернизированного сознания с его преклонением перед единой и неподотчётной властью, стоящей над обществом и присвоившей себе монополию на трактовку его интересов. Сознания, опирающегося на иррациональные инстинкты и элементы военно-племенных и феодальных отношений; легитимизирующего и сакрализирующего прямое насилие как главный элемент управления обществом.

Фактически российские элиты через свое стремление возглавить антимейнстримные и антизападные силы в глобальном масштабе пришли к отрицанию ценности гражданской и личной свободы, к поэтизации несвободы и подчинения общества целям и задачам выдуманной крайне узкой группой людей, которой присвоен весь объем властных полномочий.

Другими словами, тактический маневр элит с целью усилить свои позиции в глобальном раскладе (если он задумывался в качестве такового) по сути приводит к глубокому развороту направления развития российского общества, и теперь уже для того чтобы остановить этот разворот, потребуются немалые усилия, и еще неизвестно, приведут ли они к желаемому результату.

Но то, что предлагает Путин, – это не альтернатива, это продолжение эксперимента ведущего в тупик. Правила «дилеммы заключённого», «игры с нулевой суммой» слишком хорошо усвоены им ещё с молодости. Общество консолидируется не коллективизмом, не патриотическими идеями. В основе – представление о согражданах как манипулируемой массе, для управления которой нужно только найти соответствующие «кнопки». Разделение, противопоставление различных общественных групп друг другу одна из них.

Сами же представители власти стремятся к максимизации прибыли и самосохранению любой ценой, а их корыстный интерес – двигатель коррупционно-бюрократической системы.

При этом выигрыш самих этих элит оказывается более чем эфемерным. Отказавшись от идеи догоняющей модернизации, Россия начала движение назад, но это не делает её лидером и “законодателем мод” современного мира. В своём сегодняшнем состоянии она по-прежнему остаётся на глобальной периферии, “прилипает” к навсегда отставшим странам, и уже поэтому надежды на «новую Ялту» (на троих с США и Китаем или в какой-то иной конфигурации) на самом деле несостоятельны. Возможно, страна будет присутствовать в качестве значимого, а в каких-то случаях – и ключевого игрока при попытках урегулирования региональных конфликтов (иногда ею же с этой целью и создаваемых или раздуваемых), но надежды на роль неоспоримого лидера огромного «незападного» мира, пусть даже в непростой связке с Китаем, – это, несомненно, иллюзия.

И ставка на «многополярный мир» как замену прежней «биполярной» системы также окажется несостоятельной. Хотя бы уже потому, что вместо «нового международного порядка» такой мир будет сопровождаться отсутствием какого бы то ни было порядка в условиях свободной игры большого количества различных автономных сил, не связанных общими правилами или представлениями. А для того чтобы привести такой «новый дивный мир» в состояние хоть какого бы то ни было упорядочивания и равновесия – сил, скорее всего, не хватит ни у кого – ни у США, утрачивающих сегодня свои

Оказавшись на историческом переломе, Россия избирает для себя ложные цели: вместо того, чтобы вместе с попавшей в «разрыв эпох» Европой искать общий путь к преодолению ловушек политического «постмодерна» и кризиса старой модели капитализма, она пытается противопоставить себя той части Европы, которая пытается искать выход из этой эпохи в движении вперед, а не назад к не самому счастливому и уж точно исчерпавшему свои возможности прошлому.

позиции «глобального лидерства», ни тем более у России, которая сегодня не обладает необходимыми для этого материальными и идеологическими ресурсами. А «беспольярный» мир, который, скорее всего, возникнет в результате раскручивания борьбы всех против всех (где и кроется высокая вероятность большой войны, которая только и способна в такой ситуации определить иерархию и вернуть мир к равновесию) как антитезы «однополярному», будет очевидным шагом назад и кризисом уже не однополярного мира, а мира как такового.

При этом России – в случае развития событий по такому сценарию – придется даже тяжелее, чем странам, традиционно существующим в парадигме «третьего мира» – хотя бы потому что западная «психология комфорта», стремление к упорядоченному и относительно обеспеченному существованию, пустила в России достаточно глубокие корни, явно выйдя за рамки не только узкого правящего слоя, но и традиционно благополучного привилегированного сословия. Резкое увеличение всякого рода рисков и растущее ощущение бесперспективности усилий по обустройству собственной жизни при таком сценарии, если и не приведет к массовым протестам, то наверняка снизит степень управляемости общества и сделает невозможной его мобилизацию на амбициозные властные проекты.

Новосибирск, Россия. Президент России Владимир Путин на открытии третьего моста в Новосибирске, октябрь 2014. Timofeev Sergey / Shutterstock.com

Президент России Владимир Путин демонстрирует режиссеру Оливеру Стоуну видеозапись атаки американских ВВС, выданной министерством обороны РФ за работу российской авиации в Сирии. Showtime/Youtube

Париж, Франция. Президент Франции Эммануэль Макрон и президент России Владимир Путин на совместной пресс-конференции, май 2017. COMEO / Shutterstock.com

В итоге, Россия, пытаясь отмежеваться от Запада с его глобальными проектами и его же растущими социально-экономическими и политическими проблемами, также оказывается в состоянии «нестояния»: она в ещё гораздо большей степени не имеет ясного представления о собственном будущем, не понимает своей роли в нем, а потому боится его и в результате пятится назад, будучи не в состоянии справиться с задачами собственной модернизации. Оказавшись на историческом переломе, она избирает для себя ложные цели: вместо того, чтобы вместе с попавшей в «разрыв эпох» Европой искать общий путь к преодолению ловушек политического «постмодерна» и кризиса устаревшей модели капитализма, она пытается противопоставить себя той части Европы, которая пытается искать выход из этой эпохи в движении вперед, а не назад к не самому счастливому и уж точно исчерпанному своим возможности прошлому.

Как сделать так, чтобы силы разума и прогресса все-таки взяли верх и тотальный разворот назад, который, естественно, приведёт к краху, всё же не состоялся – отдельный большой разговор.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Подробный разговор о причинах всего того, что описано в этой статье – отдельная обширная тема. Отчасти само описание и добросовестный непредвзятый анализ происходящего содержат в себе немалую долю объяснения того, как сложилась эта реальность. И все же, подводя итоги, я постараюсь очень сжато, предельно коротко сформулировать некоторые основные блоки причин приведших к нынешнему положению дел в мире.

1. Часть комплекса причинно-следственных связей, приведших к тому, с чем мы имеем дело сейчас, я подробно разобрал в моей работе посвящённой рецессии капитализма – анализу особенностей современной мировой экономики и фундаментальных причин кризиса 2008 г. [Yavlinsky, 2011; Явлинский, 2014]. Сложившуюся в последние десятилетия экономическую систему я назвал по аналогии с Realpolitik – системой «Realeconomik». Суть её в том, что это специфическая форма современного капитализма, искажающая даже принципы общества потребления, освобождающая бизнес от кажущихся излишними моральных ограничений и от ответственности перед обществом, сводящая ценностную сферу и целеполагание исключительно к извлечению как можно большей прибыли за счёт финансово-экономических пузырей и виртуальных видов деятельности мало связанных с реальными потребностями людей.

Сам процесс исторического формирования современной системы «Realeconomik» показывает и отчасти объясняет как современное западное общество подошло к черте у которой находится сейчас*.

Речь о том, что в мировой политике в конце XX века появилось что-то, чего не было с начала европейского нового времени – идея демократии была в значительной мере вытеснена упрощенной экономической моделью поведения людей. И в ходе этих перемен начался отход от политической

* Подробно, хотя и весьма односторонне это явление проанализировано в работах британского кинодокументалиста Адама Кёртиса, посвящённых кризису современного общества (см., например, Адам Кёртис «Век эгоизма» <https://rutube.ru/video/7072816fd17f483b0c0faf55a2c0e4cb/> или Adam Curtis “The Trap What Happened to Our Dream of Freedom”, <https://m.youtube.com/watch?v=BomLz15ibS4> и др.).

системы которая работает на основе представительства, диалога и компромиссов между различными группами населения и идеологическими подходами. «Экономическая демократия», базирующаяся на финансовой и банковской системе, начала трактоваться как неоспоримая, которую нужно принимать как данность. Особенность этой системы в том, что люди оказываются отстранены от всякого воздействия и влияния на «управляющую» модель.

Пути формирования системы «Realeconomik» берут своё начало на переломе между экономическим ростом 20-х гг. и Великой депрессией в целях преодоления спада производства в США. Именно тогда в целях управления обществом в попытке преодоления спада производства в США появилась и стала развиваться практика целенаправленного массового формирования искусственных потребностей и их удовлетворения и на этой основе – идея приоритета экономики над демократией (the economy is superior to democracy). Активным проводником, а возможно и инициатором этих идей был Эдвард Бернейс.

После окончания Второй мировой и начала Холодной войны, когда влияние и значение СССР и коммунистической идеологии стали угрожающими для Запада, разработку моделей управления человеческим поведением активно продолжили. Гениальный, но не вполне здоровый математик Джон Нэш в поисках антикоммунистического идеологического противоядия попытался приложить ко всем формам человеческих взаимоотношений «теорию игр», основанную на представлении о мрачной сущности человеческой личности, которая руководствуется только своекорыстным интересом, и никому не доверяет.

Теория Нэша, доказывавшая, что общество, основанное на крайнем индивидуализме, эгоизме и личной корысти, может поддерживать стабильность и развиваться даже более динамично, чем планомерно организованный социум, приобрела огромное влияние на политику, а затем и на экономику.

Американский математик и лауреат Нобелевской премии по экономике Джон Нэш на симпозиуме по теории игр в Кельнском университете. Германия, ноябрь 2006.
Ike Wetzig / Wikimedia.org

Теория Нэша, за которую он получил Нобелевскую премию, доказывавшая, что общество, основанное на крайнем индивидуализме, эгоизме и личной корысти, может поддерживать стабильность и развиваться даже более динамично, чем планомерно организованный социум, приобрела огромное влияние на политику, а затем и на экономику. Однако ценой такого освобождения личной корысти должен был стать мир, где каждый будет подозревать другого человека и не доверять ему. Поскольку это показалось эффективной антисоветской идеологией, то в свете реалий Холодной войны такой подход стал приемлемым.

На этой основе появилась ставшая чрезвычайно влиятельной в политике и экономике второй половины XX века философская идеология, сутью которой стало противопоставление набирающей популярность коллективистской социалистической и коммунистической идеологии, модели социального равновесия, основанной на человеческом эгоизме и стремлении к единоличной выгоде, иначе говоря, системы сознательно культивируемого индивидуализма и узкого прагматизма. Речь пошла уже не только о пропаганде, но о разработке в этом направлении специальных технологий манипуляции индивидуальным и массовым сознанием.

Равновесие Нэша стало подходящей научной базой для подхода, к которому призывал австрийский учёный Фридрих Август фон Хайек, преподававший в Чикагском университете. Хайек был уверен, что планирование жизни общества носителями той или иной идеологии XX в., представляло гораздо большую опасность, чем любая из проблем, порожденных капитализмом. Хайек предлагал вернуться в «золотую пору» свободного рынка, когда люди следовали своим интересам, а правительства им не мешали. Он считал, что из этого возник бы самонаправляемый, спонтанный порядок, созданный усилиями миллионов людей, играющих «свою игру». Союзником теории Нэша оказался и один из самых видных либеральных мыслителей XX столетия – Исайя Берлин, обосновавший идею «негативной свободы».

В итоге экспериментальная модель, разработанная Нэшем в экстремальных условиях холодной войны в целях идеологической борьбы с Советским Союзом, носившая окказиональный, прикладной характер стала восприниматься всё большим числом западных политиков и влиятельных персон в самых разных сферах как неоспоримая истина, как абсолютный мейнстрим мейнстрим в мировой политике и экономике и более того, как универсальная система для всех областей человеческого взаимодействия.

Через «рейганомику», тэтчеризм индивидуалистическая модель стала политической реальностью в США и в целом на Западе, а через «Вашингтонский консенсус» была навязчиво предложена как единственно верный рецепт развития для остального мира.

Никто не обращал внимание на то, что эта модель полностью отбрасывала в сторону то, что Адам Смит считал критически важным для упорядочения жизни общества (ordering the society) и называл «соображениями морали» (moral sentiments) – такие категории как сочувствие и понимание нужд других людей.

Эта система взглядов проникла в самое сердце западной политики, начала и продолжает вести к деинтеллектуализации элиты, искажению ценностной шкалы, сужению горизонта политического и жизненного мышления и прогнозирования.

Так появилась «экономическая демократия» которая ко второй половине двухтысячных годов оформилась как система «Realeconomik», ведущая к широкомасштабному глобальному кризису.

Адам Кёртис недавно заметил: «В середине 70-х произошел тектонический сдвиг – мы перешли от состояния не то чтобы конформистского, скорее коллективного, группового – к тому, что я называю «гипериндивидуализмом». В центре его стоит идея о том, что отдельный человек, индивидуум – ключевая, самая главная сила. И этот сдвиг размывает очень многое. Он размывает способность политиков объединять массы людей воедино. Это порождает неуверенность и в нас самих... Архитекторы нашего современного мира создали для нас ужасную ловушку. Стараясь защитить нас от опасностей коммунизма, тоталитаризма и коллективной уравниловки, они привели нас в мир, лишенный смысла»*.

2. Ещё одним ключевым фактором фактической деградации мировой политической системы стала глубоко ошибочная интерпретация итогов окончания холодной войны и крушения коммунистической системы как торжества и даже триумфа индивидуалистической стратегии и «экономической демократии» в стиле Рейгана и Тэтчер. В 1992 году, американский политолог Фрэнсис Фукуяма выдвинул идею, что мир «достиг конца истории», а «либеральная демократия является лучшим политическим решением».

* См. «Адам Кертис о “гипернормализации” и о том, чем ему интересен Владислав Сурков»

Возникла идея искусственно сконструировать однородный «новый мир» на принципе негативной свободы, т. е. предельного индивидуализма, мир, где все люди были бы свободны делать то, что они хотят, без принуждения и ограничений со стороны элит и правительств.

Согласно этой теории, если разрушить все старые институты, ликвидировать элиты, которые говорили людям, что нужно делать, и вместо этого позволить индивидуумам вести себя независимо и по рыночным правилам, эти индивидуумы станут новым видом рациональных существ, которые будут добиваться организации общества так как это необходимо для их рыночной деятельности. Из всего этого вырастет новый порядок и новая демократия, когда рынок, а не политика, будут давать людям то, что они хотят.

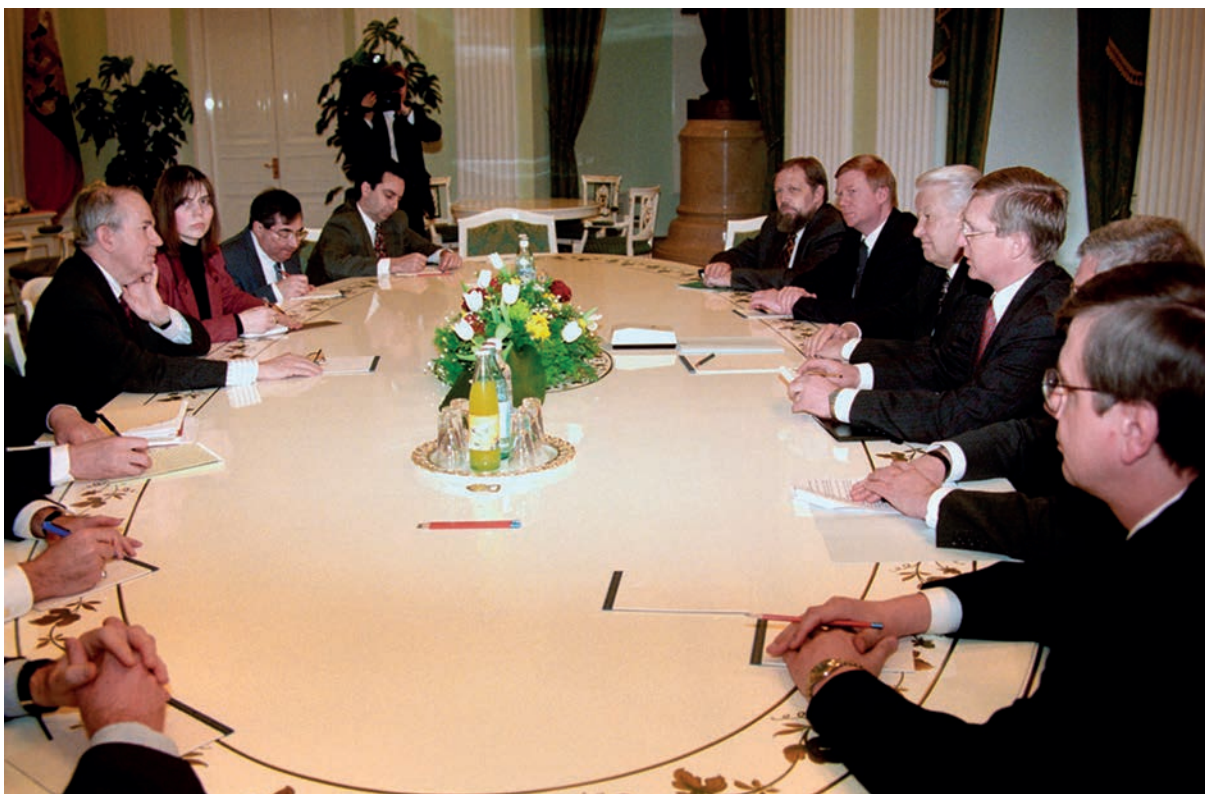
В результате практической деятельности по реализации этих «идей», подкреплённой кредитами и финансовыми вливаниями МВФ и Мирового Банка, по существу произошла российская экономическая катастрофа 1992-99 гг. Из этой экономической катастрофы возник новый порядок, но это, как теперь всем хорошо понятно, не был спонтанный порядок, нарисованный в утопиях свободного рынка, в мечтах Хайека, Фридмана и российских «младореформаторов» времён Ельцина. Это оказалось нечто совсем противоположное.

Затем этот подход был реализован в попытке решить международные проблемы через военно-силовое смещение опасных (действительно опасных) диктаторов в расчёте на то, что освобожденный индивидуализм и рыночные механизмы всё сами собой исправят. Наиболее яркий пример полученного результата – последствия американского вторжения в Ирак.

В результате практической деятельности по реализации этих «идей», подкреплённой кредитами и финансовыми вливаниями МВФ и Мирового Банка, по существу произошла российская экономическая катастрофа 1992–1999 гг.

Президент России Борис Ельцин, премьер-министр России Егор Гайдар и глава Международного валютного фонда Мишель Камdessus в Кремле. Россия, июль 1992 года.
Дмитрий Донской / РИА Новости

Президент России Борис Ельцин, первый заместитель председателя правительства РФ Анатолий Чубайс, председатель Центробанка РФ Сергей Дубинин и директор-распорядитель МВФ Мишель Камdessus на встрече в Кремле. Россия, февраль 1998. Владимир Родионов, РИА Новости

Очередь в пункт обмена валюты в центре Москвы. Россия, август 1998. Reuters.

3. Система “Realeconomik” в сочетании с глобализацией привела к необратимому неравенству. Мир разделился на страны развитые и неразвитые навсегда. Разрыв в качестве и продолжительности жизни, образовании, медицине, уровне технического развития стал непреодолимым. По существу сути практически исчезли развивающиеся страны (за исключением буквально нескольких). Утрата всякой перспективы у населения значительной части стран привела к миграционному кризису в Европе и появлению ИГИЛ. Углубление неравенства между странами (как и внутри них) будет усиливаться и конфликты, вытекающие из этого обстоятельства станут печальным и опасным смыслом международной жизни в XXI веке.

4. Серьёзной причиной и предпосылкой нынешнего глобального кризиса стала неспособность европейской бюрократии выработать стратегии качественно нового этапа развития ЕС. Крушение Берлинской стены ознаменовало собой не «конец истории», а конец стратегии. После 1991 года произошла стремительная интеграция в ЕС восточноевропейских и балтийских стран, при этом, однако, никакого перспективного видения дальнейшего развития Евросоюза и никакой созидательной стратегии по отношению к России, Украине, Белоруссии и Молдове так и не было создано, исчезло понимание большой Европы от Лиссабона до Владивостока и европейская ситуация зашла в тупик.

5. В результате соединения технических плодов четвёртой промышленной революции – технологий влияющих непосредственно на психику, поведение и сознание людей – с капитализмом, уходящим от своих основ, и карнавальной политикой (шоу и борьба за внимание аудитории вместо содержательного разговора и решения проблем), зародилось новое качество, которое может представить угрозу глобального масштаба.

Одним из проявлений кризиса, стало то, что старшее поколение (старше 35 лет) не смогло связать прогресс информационных технологий с достижениями XX века. А молодёжь приняла прогресс как данность, но не знает, для чего он, что он значит, к чему обязывает. Частью новой реальности стало размывание стандартов информационной политики, положение, когда выше правды и достоверности фактов становятся «клики» и дивиденды (не только финансовые, но и имиджевые, политические и т.д.), приносимые «кликами».

Перспектива преодоления этой угрозы, сдерживания нарастающего хаоса и возвращения миру смысла зависит от способности лидеров к принципиально новому уровню переосмысления глобального развития.

В сокращенном виде статья опубликована в журнале «ПОЛИС»,
стр. 133–155; № 5, сентябрь 2017 г.
и в «Независимой газете», 26 сентября 2017 г.

Фото на обложке: Camille Seaman

